

ляду / к черту / к алаху / к дьяволу / к бесу / к лешему / к бабушке [Меликян, 149].

Таким образом, этимологическая рефлексия выражается в закреплении исходных номинативных признаков в виде актуальных компонентов значений слов, отраженных в синтагматических и парадигматических связях. Восприятие и декодирование внутренней формы слова есть именно осмысление мотива, лежащего в основе наименования, и установление синхронно значимых ассоциаций, часто основанных на интуитивно ощущаемых связях с первоначальным мотивом номинации.

*А. Б. Мороз
Москва*

Народная этимология и другие языковые средства воздействия на болезнь в славянских заговорах

Народная этимология чрезвычайно активно функционирует как один из инструментов традиционной обрядности, мотивируя ритуальные действия, использование предметов в обряде, ложась в основу обрядового текста, запрета или предписания. Как показали в своей работе С. М. и Н. И. Толстые, народная этимология и паронимическая аттракция, находящаяся в непосредственной связи с ней, «приобретает функцию одного из наиболее продуктивных приемов организации мифопоэтического и ритуально-магического текста и превращается в особый вид магии»³⁸. Наряду с ней, в народной обрядности широко используются и другие языковые механизмы, которые могут выступать в роли мотивировки или толкований обряда или самостоятельно организовывать структуру ритуального текста. Подчас мы имеем дело со своего рода языковой игрой, используемой в сугубо прагматических целях. При этом возможна двунаправленная зависимость: обрядовые действия и представления определяют языковые механизмы или, наоборот, сам обряд возникает под воздействием и как следствие языковой игры. Язык, таким образом, становится таким же магическим инструментом, как предмет, действие, место, время и проч. Рассмотрим языковые обрядовые механизмы на примере южно- и восточнославянских заговоров и – уже – на примере такого языкового инструмента, как воздействие на болезнь через ее номинацию.

³⁸ Толстой Н. И., Толстая С. М. Народная этимология и этимологическая магия // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 317–332.

Будучи частью обряда заговаривания, заговоры сами по себе содержат ряд средств воздействия на объект, в данном случае на болезнь. Болезнь, как правило, представляется в персонифицированном виде, хотя степень персонификации, детализация образа заболевания может быть различной. Так, в восточнославянской традиции в наибольшей степени персонифицирована лихорадка или чума, представляемые в виде женщин, чей облик может быть достаточно подробно описан в заговорах. В южнославянской традиции болезни в значительно большей степени связаны с активностью ряда демонологических персонажей, которые их насылают (*але, вештице, бабице* и т. п.). В такой ситуации «совершенно естественно, если болезнь – это некое существо, которое вошло внутрь человека, обратиться к ней с просьбой уйти, оставить больного»³⁹. Заговор содержит эту просьбу, а человек, произносящий заговор, вступает в коммуникацию с болезнью или персонажем, ее наславшим. Устанавливая контакт, он должен назвать своего оппонента. Уже само знание его имени дает заговаривающему некоторую власть над ним. В архаической культуре невозможно произнесение имени всуе, ибо оно либо вызывает, активизирует его обладателя, либо ослабляет его, делает его подверженным внешним влияниям [Раденкович 1996, 50]. Поэтому в заговорах произнесение имени болезни играет особо важную роль.

В заговоре наименование болезни далеко не всегда полностью соответствует названию той же болезни в народных медицинских представлениях и диагностике. Заболеванию как персонажу заговора может присваиваться другое, ритуальное имя, отличное от «повседневного», например, диалектное наименование болезни, вышедшее из употребления в данном регионе и сохранившееся только в заговоре, эвфемистическое наименование заболевания. Часто название болезни в заговоре составное, более сложное, чем название в медицинских представлениях и верованиях. Как правило, в этих случаях к имени существительному (собственно наименованию болезни) прибавляется эпитет.

Рассмотрим различные способы наименования болезней в заговорах и их воздействие на носителей этих имен. Обзор принципов наименования болезней осуществлен Л. Раденковичем⁴⁰, но только на южнославянском материале. Не оговаривая наших расхождений с классификацией Л. Раденковича, предложим свою.

1. Симптоматическая номинация. Болезнь называется:

– по способу воздействия на больного, по ощущениям, вызываемым болезнью: рус. *грыжа* (от *грызть*), словен. *grizenje v trebuhu*; рус.

³⁹ Петров В. П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. М., 1981. С. 98.

⁴⁰ Раденкович Лб. Народна бајања код јужних Словена. Београд, 1996. С. 50–53.

утин 'боль в спине' (от праслав. **lęti* – 'резать'); *трясавица*, *огневица*, словен. *mrzlica* 'лихорадка'); рус. *щипота*, *ломота* 'боль'; рус. *колотье*, словен. *krot* (от праслав. **krotiti*), болг. *клинаво дете*, рус. *усовье*, серб. *усов* (от праслав. **sovati*) 'колика, боль в животе'; рус. *лиска* (вероятно, правильное *лизка* – от *лизать*) 'ожог или кожное воспаление'; рус. имена лихорадок: *Ломея*, *Гнетея*, *Ледея* и др.; рус. *витрянной перелом* 'суставный ревматизм'; *огник* 'чирей, нарыв'; *прострел* 'острая боль, удар, паралич', *темная вода* 'глазная болезнь, слепота' и т. п.;

– по внешним проявлениям болезни (внешнему виду или поведению больного): болг. *ечемик*, *ечумик*, серб. *јечмичак*, рус. *ячмень*, *песий сосок* 'ячмень', рус. *сыпь*; болг. *сипка* 'оспа'; рус. *жаба* 'отек горла', серб. *црвени ветар* 'сыпь воспалительного характера на коже'; серб. *жутица*, рус. *желтуха*; болг. *червена* 'рожа', *криксы*, *плаксы*, *заря вонска*, *заря крикса* 'детский крик, бессонница', *икота* и т. п.;

– по больной части тела: рус. *дубоглот* 'ангина, воспаление дыхательных путей, круп'; *нутряная нутрянка* 'опухоль в животе'; *грыжа нутряная, костяная* и др., серб. *заушке*; *окобоља*; *пробод*; *устрел* и т. п.

2. Номинация по источнику заболевания. В качестве такого источника может называться:

– место, откуда приходит болезнь, или время ее появления: рус. *полунощница*; *прикос*; (сглаз) *нощной*, *дневной*; серб. *издат водени*, *горени*, *дивји* и др., *трубиный*, *окошечный*, *сенной* [Майков, № 221]; при укусе змеи: рус. *змея полевая*, *луговая*, *болотная*, *подколотная* [Майков, №176], словен. *zemeljski črv*⁴¹; *заря-заряница* (в заговорах от детской бессонницы);

– персонаж, наславший болезнь: рус. *жаба*; *навья* или *мертвая кость*, словен. *divje meso* 'виды опухолей'; укр. *вовчий лишай*; словен. *oslovski kašelj* 'коклюш'; серб.: *буба у глави*, (болесть) *од мечку*; кроме того, в южнославянских заговорах характерно упоминание не самой болезни, которая при этом конкретно не определяется, а демонологического персонажа, ее наславшего: *мора*, *бабице*, *вила*, *нежид* и др. (ср. восточнослав. *полунощница*, *нощница* 'детская бессонница'). Для восточнославянских текстов это менее характерно, но также встречается: *вражеское* 'кликушество, падушая' (от *враг* 'черт'), *лихой* 'нарыв'. Ср. также общеслав. *лишай* (вероятно, от праслав. **lichъ* [Фасмер 2, 506]; ср. рус. *лихой* как одно из эвфемистических наименований дьявола); в восточнославянских заговорах характерно обращение к персонажам, которые выступают как источники болезней только в заговорах, но при этом не мыслятся реальными и не упоминаются в поверьях и медицинских представлениях: *заря* (в заговорах от детского плача);

⁴¹ *Möderndorfer V. Ijudska medicina pri Slovencih. Ljubljana. 1964. S. 288a.*

- способ заболевания: рус. *притча. при(т)чице, притка* (от праслав. **prityknŭti* 'встретить'); рус. *огонь* 'ожог'; рус. *огонь, летучий огонь* 'кожное воспаление'; общеслав. *урок* (от праслав. **rěsti* 'сказать', ср. рус. *оговор*), рус. *призоры* (от праслав. **rěti* 'смотреть') 'сглаз'; рус. *встречно, с мужеска полу* [Майков, № 224]; серб. (*црвени*) *ветар*; рус. *вытряной перелом* 'суставный ревматизм'; серб. *почудиште* (ср. рус. *обойкать* 'сглазить' от междометия *ой!*); рус. *исполох, испуг* и т. п.

3. Комплиментарная номинация. Болезнь включается в систему человеческих отношений, приобретает черты человека: имя, родственные или дружеские связи с произносящим заговор: рус. *кумуха; полунощница Анна Ивановна; змея Катерина; чирей Василий; заря-заряница, красная девица; родимые огневицы, родимые горячки; родимец, Кондрашка (Кондратий)* 'удар, апоплексия, паралич'; млад *младенец* (заговор от «его» – «название, указывающее на происхождение болезни от злого духа» [Попов, № 52]); укр. *гостец*; серб. *бабице* (в заговорах обращение: *ви, бабице, ви, дедице...* [Раденкович, № 134]); *издате, брате* (в заговоре от *издата* [Раденкович, № 71]); это же значение имеют встречающиеся в южнославянских заговорах наименования, определяющие социальный статус болезни: *бан, војвода, господар, калуђер* [Раденкович 1996, 52] и т. п.

4. Пейоративная номинация противопоставлена предыдущему типу; это название болезни, «уничжающее», осуждающее ее: рус. *платы* 'змеи', *ярый ярец и перьярец* 'наименование змей' [Майков, № 186]; *дочери (жены) царя Ирода* 'лихорадки'; *змеи лютый; баенна нечисть, лихой* 'нарыв на пальце'; серб. *подьуте* (в заговорах обращение: *лут подьут* [Раденкович, № 183]); рус. *лихорадка*; общеслав. *лишай* (см. выше). Так же могут быть поняты наименования, определяющие этническую принадлежность болезни (всегда как чужую): *Чивуткиња, Татаркиња* [Раденкович 1996, 52].

В одном названии могут сочетаться несколько способов номинации болезней.

Название болезни может быть представлено субстантивированным прилагательным (*трубинный, окошечный, сенной*) или быть выраженным предложно-падежной конструкцией (*с мужеска полу*). Часто в заговорах к названию болезни добавляется эпитет, причем в таком сочетании основная смысловая нагрузка, как правило, падает на эпитет. При этом даже собственно номинативное значение часто может быть заключено именно в прилагательном, а не в существительном, которое определяется сюжетом заговора, обыгрывающим признак болезни, приписанный почти случайно выбранному предмету или лицу: в заговоре от *црвеног ветра* *черный* орел утаскивает *красных* цыплят [Раденкович, № 90], в

заговоре от *подьута* пересыхает река *Љутана* и остается река *Благана* [Раденкович, № 185].

Упоминание названия болезни в заговоре не просто способ установления с нею контакта, оно само по себе служит средством воздействия на нее. Способ номинации в значительной степени определяет языковой механизм нейтрализации болезни и, соответственно, структуру текста.

Использование комплиментарной номинации может быть объяснено двояко. С одной стороны, называя болезнь ласкательными именами, применяя к ним термины родства и проч., человек задабривает ее, делает своей, т. е. не опасной. С другой, при таком наименовании персонаж заговора (болезнь или наславшая ее нечистая сила), получая человеческое имя, родственные, дружеские связи, общественный статус, социализируется, оказывается включенным в жизнь общества. Поскольку социальная организация, общественная жизнь, родство и кумовство суть признаки этого (человеческого) мира, болезнь переводится из разряда потусторонних в категорию «своих», т. е. безопасных. Подобный механизм используется и в сюжетах заговоров: в южнославянских заговорах болезнь социализируется через описание ее семьи: *Сестра Руса сина заженила, Руслан брата не позвала. А он је љуто прокѣиѣао...* (от русы; [Раденкович, № 145]); *родила се Усовка девојка синоћ у вечеру <...> за одадбу тигла...* (от усова; [Раденкович, № 177]). Такой сюжетный способ «социализации» болезни менее характерен для восточнославянских заговоров и встречается в основном в текстах от детской бессонницы: *заря-зареница, красная девица, твоему дитяти гулять хочется, моему дитяти спать хочется* [РЗ, № 135]. Наоборот, пейоративная номинация отчуждает болезнь, подчеркивает ее принадлежность иному миру и, следовательно, неуместность в мире этом, наподобие того, как болезнь в заговорах либо упрашивают покинуть больного, либо повелевают ей сделать это.

Симптоматическая номинация соответствует народным медицинским представлениям, согласно которым зачастую лечатся именно симптомы болезни. Такой принцип обычно предполагает лечение *similium similibus*, причем симильность средств воздействия на болезнь определяется ее названием – как она воздействует на человека, так воздействуют и на нее: *грыжу загрызают* (*Грызу грыжу у раба Божьего...* [РЗ, № 1522]), *утин секут* (*Чего секешь? – А утин секу. – А секи его ладом, чтобы не было веком* [РЗ, № 1498]), колику (*клинаво дете*) лечат клином от ткацкого станка⁴², волчий лишай мажут волчьим жиром [ЭМЧ, 319, № 29], сглаз, который может быть следствием удивления (серб.,

⁴² Родопи: Традициона народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994. С. 73.

болг. *почудните*), лечат чудом (*тръгнат ми е почуден старец в почудна гора с почудни брадва...* [Чолаков, 115. № 1]). боль (*стрельбу, колотье*) застреливают, закалывают (*...ветряной мужичок, у него есть лук. Он стреляет, отстреливает, колет, откалывает...* Так бы и у раба Божия не было бы стрельбы ни в белых руках, ни в резвых ногах... [РЗ, № 2183]) и т. п. В некоторых других случаях, наоборот, сам способ лечения определяет способ номинации: *лиска (лизка = огонь) красна! Где лиска лизнет, там ожог пройдет.* При этом плюют на ожог [Иванова, № 75]. Принцип лечения подобным может быть основан на представлении о том, что болезнь забирается упомянутым в заговоре уподобленным ей предметом или действием и возвращается в «родную» среду. На этом же основан механизм лечения змеиного укуса землей: *земља земљу љуби* (вариант: *тре, једе*; [Раденкович, № 1–14 и др.]).

Указание на источник появления болезни также связано с формулой отсылки болезни. Она отсылается к тому, кто ее наслал (апелляция к источнику в данном случае мотивирована родством названий), или туда, откуда она пришла: *Дуб, дуб, возьми свой дубоглота...* (от *дубоглота*, опухоли в горле; [Майков, № 60]); *...заря Вонска, заря Крикса, возьмите свой крик...* (от детского крика; [Майков, № 57]); *...ако је нечастивник, у нечастивско да отиде, ако су ноћничине, ноћу де си отиду...* (от *ветра*; [Раденкович, № 125]). Бельмо (от белый) разрывает святой *Юрый на билим кони, у билим брыли, з бильми хортамы* [ЭМЧ, 39, № 42–1]. Коклюш (*oslovski kašelj*) в Словении (Козье) лечат молоком, в которое бросают 3 волоска осла и 3 волоска ослицы⁴³. Этот же механизм может быть представлен и на сюжетном уровне, когда названия самой болезни и ее источника не связаны общим корнем: *...все уроки, и все прикосы, и исполохи... отколь пришли, туда и пойдите: и от женки пришли – к женке пойдите, от бабки пришли – к бабке пойдите...* (от сглаза [Иванова, № 119]).

Не менее распространен и противоположный способ воздействия на болезнь – когда симптом (часто приравниваемый к причине болезни) физически уничтожается действием или предметом, имеющим противоположное значение, или подменяется им: *Сожжено не огнем, а золою* (от ожога; [Майков, № 192]); *Sveta Neža, svet Boštjan pa svet Florjan, nesite vodo, pogasite ta ogenj...* (от ожога; [Novak, № 34]); *Извела квачка девет пилета, на сви' девет крила црвена, на сви' девет ноге црвене, на сви' девет глава црвена. Залете се црн орал, те однесе квачку с пилићи* (от црвеног ветра; [Раденкович, № 90]).

Таким же образом «удаляется» болезнь, насланная каким-либо персонажем и содержащая в своем названии указание на него: уничтожает-

⁴³ *Möderndorfer V. Ljudska medicina pri Slovencih. S. 24–25.*

ся сам этот персонаж. Для лечения *жабы* «душат двумя пальцами правой руки, большим и мизинцем, крота или *жабу*, водят потом этими же пальцами по боковым сторонам шеи больного...»⁴⁴. То же видим и в текстах заговоров: *...на этом дереве суховерхе сидит птица – железны носы, щиплет, теребит жабу сухую и мокрую...* [Майков, № 98].

Широко распространена в заговорах формула перечисления разновидностей одной болезни, обычно через нагнетание большого количества эпитетов, причем обычно в этих случаях название болезни повторяется многократно с разными эпитетами, как правило, однотипными, называющими источник появления болезни, органы, которые, предположительно, затрагивает заболевание, или какие-либо свойства самой болезни: *strup... bodi kača ali kačon, bodi viperi ali viper, bél ali béla, črn ali črna...* (от укуса змеи; [Novak, № 7]). Значительная часть компонентов таких перечислений не соотносится непосредственно с представлениями о болезнях и появляются исключительно в текстах заговоров: *...и модар ветар, и росан ветар, и жут ветар, и арућ ветар, и студен ветар, и клубучан ветар, и намерни ветар...* (от *црвеног ветра*; [Раденкович, № 92]); *загрызаю грыжу... пуповую и подпуповую, пятную и подпятную, глазную и подглазную, язычную и подязычную* [РЗ, № 1535]. Такое «конструирование» вариантов названий болезни позволяет создать «универсальный» заговор, который мог бы охватить максимально возможное число болезней или разновидностей одной болезни, не оставляя им возможности, не будучи названными, остаться в человеке.

Южнославянские заговоры содержат еще один механизм лечения болезней в связи со способом их номинации: эпитет, присоединяемый в тексте заговора к наименованию заболевания, может не характеризовать саму болезнь, а ожидаемый результат лечения: *руса... ја те зовем сува* [Раденкович, № 150]; *мали чир* [Раденкович, № 450] и т. п. Для восточнославянских заговоров такой способ номинации и лечения болезней нехарактерен.

Наряду с указанными способами лечения болезней в заговорах встречается и обратный – неназывание болезни, лишение ее имени: *Усту, груднице!.. без име сте се растурили...* [Раденкович, № 416]. Поскольку имя воспринимается как неотъемлемая часть живого существа, лишение болезни имени равносильно ее умерщвлению.

⁴⁴ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 209–210.